

II. ЭТНОСТАР ЖӘНЕ ТАРИХ ETHNIC GROUPS AND HISTORY ЭТНОСЫ И ИСТОРИЯ

УДК 39, 316.3
МРНТИ 03.91.00
JEL-коды N35, Z13

БАТАЛАСУ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОГО СОЦИУМА

Артыкбаев Жамбыл
Профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
доктор исторических наук
Астана, Казахстан
e-mail: socantropology@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли института «баталасу» как ключевого механизма формирования казахского социума. «Баталасу» рассматривается как форма клятвенного обещания и благословения, используемая для укрепления административно-территориальных и политических структур казахского общества, начиная с формирования Казахского ханства. Проведен анализ историографии вопроса, сравниваются дореволюционные, советские и современные подходы к изучению социальной организации казахов. Особое внимание уделяется генеалогическим связям, системе родства и роли «баталасу» в интеграции различных родов и племен в единое этническое целое. Приводятся примеры из устной традиции и исторических источников, иллюстрирующие практику «баталасу» в различных контекстах — от межплеменных отношений до включения иноэтнических групп в состав казахского этноса. Приводится вывод, что «баталасу» сыграло фундаментальную роль в формировании казахского социума и продолжает оставаться важным социальным институтом в современном обществе.

Ключевые слова: баталасу, бата, казахский социум, казахская государственность, родовая организация, социальная структура, генеалогия, Казахское ханство, система родства, этническая интеграция

Введение

«Баталасу» является одним из самых действенных механизмов формирования административно-территориальной и политической систем казахов в прошлом. К сожалению, из-за недостатка наших знаний по этнокультурной специфике казахов этот институт практически не изучен в наших гуманитарных науках. «Бата» в переводе с арабского *фатиха* - благословение, доброе пожелание, обычно произносится самыми авторитетными и старшими людьми. От «баталас» производное «баталасу», то есть «давать друг другу клятвенное обещание», «договариваться действовать сообща», «быть вместе для совместных действий» и т.д.

«Баталасу» применяется на всех уровнях бытовой и общественно-политической жизни казахов, но наиболее фундаментальное его действие проявляется в так называемом «родовом устройстве» казахов. Здесь следует отметить, что *ру* (*род*) находится в основе социально-политической конструкции казахского общества.

Историография

В предшествующих нам историографических традициях сложились несколько подходов к изучению социальной организации казахов. Не вдаваясь в результаты конкретных исследований этой сложной проблемы, мы можем в целом выделить две основные крупные концептуальные линии. Во-первых, в дореволюционной

литературе социальная организация казахов отождествлялась с родовой, особенно был популярен термин «родовое начало». Многие российские исследователи видели особенность социального строя кочевников в родовой организации. На наш взгляд, наиболее объективная характеристика содержится у В.В. Радлова: *«У этих степных кочевников - очень своеобразная цивилизация, - отмечал он, - ...мы имеем здесь дело со ступенью цивилизации, противоположной культуре эпохи оседлых народов, и нужно смотреть на их поступки и поведения с другой точки зрения... у них существует не анархия, а лишь своеобразные, отличающиеся от наших, но по-своему вполне урегулированные культурные отношения»*. В.В. Радлов резко критикует своих предшественников, российских ученых во главе с А.И. Левшиным, отрицательно отзывавшихся о казахах, определивших общественные устои казахов как «смесь деспотизма и анархии». *«Читая такие триады, легко прийти к мысли, что киргизы - отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, так как не желали привыкнуть к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом, раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так»*, - пишет В.В.Радлов [1].

Объективные обстоятельства кочевого быта определили своеобразные формы управления и общественную структуру кочевых народов. Здесь никогда не было административно-территориальных форм и механизмов административного управления, характерных для оседлых стран. В кочевом обществе прочность социальной структуры зависела от состояния генеалогической комбинации родов, племен и союзов. Соотношение сил у родов и племен постоянно менялось, малейшее изменение во внешней политике, повышение плотности населения и необходимость перераспределения скота, как основного богатства, вызывали необходимость корректировки социального порядка. Социальное устройство должно было быть достаточно гибким и мобильным, чтобы обеспечить сохранность этноса. Таким образом, структура родов, исходящая от вполне реальных кровнородственных, а также мнимых генеалогических линий и связей служила фундаментальным началом общества.

Этот порядок, лежащий в основе социальной организации народов Великого степного пояса также не имеет ничего общего с общественными порядками земледельческого и городского населения Востока. Даже в конце XIX в., несмотря на сильнейшие потрясения общественных устоев, приверженность к родовым традициям у казахов была сильной. П.П. Румянцев, глубоко анализируя социальный строй казахов, пишет следующее: *«В основе этого разделения, не имеющего ничего общего с сословным делением дофеодального общества или классовым современным, лежит родовое начало...»* [2]. В принципе, и в современной зарубежной этнологии отношение к социальной организации кочевых народов определяется именно таким подходом.

Несколько иной подход вырабатывался в советской историографии. Первоначально в советской историографии родовая организация казахов отождествлялась с первобытным родом, но затем этнографы попытались ввести в науку понятия о «поздних» племенах. Например, *«поздние, патриархально-феодальные племена феодальной и капиталистической эпох существовали, в противоположность «первобытным», уже не в составе примитивных аморфных этнолингвистических общностей, а в среде сформировавшихся народностей, сохраняясь в качестве реликтов, древних и средневековых компонентов их этногенеза»* [3]. Ради объективности следует подчеркнуть, что в этнографических исследованиях неоднократно замечалось, что так называемые реликтовые племена (имелись в виду позднекочевые) по своей социальной сущности и механизму функционирования абсолютно не соответствуют древней форме племени. В них есть имущественное и социальное расслоение, и присутствуют все признаки политической организации.

Однако признать родовую организацию казахов как живой и универсальный

социальный институт, как основной стержень социальной организации кочевого общества, этнографы так и не смогли. Этому мешала марксистская установка, отождествлявшая родовую организацию кочевников с первобытностью, а род – как исключительно первобытную форму социальности.

В обоих вышеизложенных подходах есть свои плюсы и минусы. Социальная организация есть прямое порождение своеобразного уклада жизни. Если рассматривать отдельно кочевое общество, то основополагающим фактором формирования его общественных структур служат различные формы подвижного скотоводства. Эти формы хозяйственной деятельности требуют ежедневного ухода за скотом и мер по его защите. Именно скот является основным составляющим благосостояния кочевников, он же определяет социальный статус конкретного хозяина скота в данной среде. На этой простой основе и возникают первые ячейки социальной организации. Если уход и защита скота требуют усилий больших коллективов людей, то там мы видим крупные родовые единицы и союзы. Обычно в случаях каких-либо внешних воздействий (война, барымта и т.д.), когда опасность потери благосостояния возрастает, включается интеграционный механизм. С другой стороны, если господствует мир и благосостояние, то происходит автоматическое расщепление больших коллективов, и из недр их появляются небольшие семейно-родственные группы, полностью берущие на себя проблемы, связанные с уходом и защитой скота. Так или иначе, первоначальная ячейка социального бытия кочевников напоминает семью. И естественно, что она предполагает близкое родство, общие интересы, общее нераздельное владение богатством.

В силу различных обстоятельств среди этих групп появляются исторически устоявшиеся объединения. Для них характерны представления об общности происхождения, совместные перекочевки, наличие авторитетных родоправителей и т.д. Именно такое стабильное объединение носит название *ру* (*уру, уруг, суйек*) и переводится на русский язык термином «род». Само понятие «род» не всегда отражает ту социально-политическую нагрузку, которая заложена в реальной жизни на кочевую группировку «ру». Для понимания специфики социальной организации степных народов Великого степного пояса Евразии чрезвычайно полезно обратиться к проблеме рода и системы родства в историографии.

К сожалению, многие бесценные материалы для науки по родовому быту казахов ныне потеряны. В годы советской власти невозможно было ими заниматься, поскольку родовые традиции рассматривались как отрицательный пережиток. Еще в конце 20-х гг. прошлого века советские ученые-историки под флагом марксизма-ленинизма преодолевали «теорию родового быта у кочевников». В конце концов всякие исследования об особенностях социального строя народов Великого степного пояса превратились в бесплодные дискуссии о месте феодализма у кочевников, правах на средства производства и т.д.

Родовая организация казахов как объект научных интересов была сначала вытеснена из исторических исследований, а затем превратилась в сугубо специфический предмет изучения этнографии, связанный с определением этнического состава и этногенеза. Только благодаря этнографии сейчас мы имеем кое-какие материалы по родам и племенам казахов и других тюрко-монгольских родов Центральной Азии.

К сожалению, ситуация с изучением родовой организации казахов остается до сих пор нерешенной. В некоторой степени проблема усложняется стремлением ряда исследователей привнести в традиции евразийского кочевниковедения материалы австроловедения и африканистики. Нерешенность проблем рода и родовой организации никоим образом не компенсируется и за счет актуализации исследований по патронимии. Ряд проблем, существующих в современной историографии, можно проиллюстрировать на примере анализа некоторых оценок казахстанских этнологов. В них, несмотря на постоянную критику, явно наблюдается приверженность авторов к марксистским постулатам советской исторической

науки, а также сверхмодное увлечение различными тенденциями в западных этнографических исследованиях, прямое заимствование результатов из африканистики и т.д. Одним словом, все это можно объяснить следствием господства эклектики и слабости теоретических разработок в наших гуманитарных науках [4].

В изучаемой нами этносоциальной организации генеалогические связи играли, по сути, роль административно-территориальных отношений и фактически служили гарантией стабильности кочевого общества. В принципе, форма социальной организации, политический строй и традиционные социальные отношения во многих элементах воспроизводят существующие формы связи между родами.

Особенности казахского социума

В основе родоплеменной, по сути, административно-территориальной организации казахов находится такая социальная ячейка, как «*ата баласы / бір ата*». В этнографической литературе такую ячейку, состоящую из кровных родственников, принято называть малой патронимией. Кровнородственными отношениями связаны родственники по седьмое колено, то есть на основе запрета на брак внутри группы формируется большая патронимия (*жеті ата*). Во главе «*бір ата*», «*жеті ата*» стоят аксакалы, то есть старейшины или просто уважаемые старые родственники.

Объединение нескольких «*жеті ата*» формирует уже «*ру*», который переводят не всегда точным словом «род». *Ру* представляет собой административно-территориальную, политическую единицу. Во главе *ру* мы видим вполне конкретные семьи, и власть передается по наследству, хотя иногда по решению совета аксакалов в качестве руководителя *ру* выдвигаются другие талантливые сородичи. Здесь не возраст и принадлежность к определенной семье служат критериями, а личные способности — ораторские, организационные, знание судебных положений и т.д. Эти лидеры и получают звание бия (бек).

Дальше вся таксономическая вертикаль состоит из различных комбинаций (*арыс, тайпа, жуз*) с общим названием *ру*. Так что этим термином могут называться как большие конфедерации кочевников, насчитывающие миллионную численность, так и небольшие социально-политические единицы, перешедшие рубеж «*жеті ата*». В любом случае в этих схемах есть определенный порядок, исходящий из многоступенчатой системы родства, который обеспечивает иерархическую взаимозависимость. Сборник правил, регулирующих эти отношения, носит название «*жол*», то есть дорога, право. В казахских исторических преданиях начало этого порядка связывается с легендарным Алаша ханом, родоначальником и первым правителем казахов. Его три сына стали родоначальниками трех казахских жузов, то есть базовых административно-территориальных единиц: от старшего сына — *Ұлы жуз*, среднего — *Орта жуз*, младшего — *Кіші жуз*. Каждая родовая единица в составе этноса имеет свою определенную нишу в данной иерархической системе.

Таким образом, в общественном плане кочевой род больше считается политической единицей, т.е. явлением совершенно другого порядка, чем кровнородственные группы первобытности. Это достаточно ярко иллюстрируется на примере взаимоотношений казахских родов, которые имеют стратифицированный характер. В каждом из казахских жузов есть поколения, претендующие на старшинство в данном союзе (*аға баласы, ноқта ағасы*). На примере Младшего жуза, где старшинство поколения Алим улы над остальными четко оговаривается в различных фольклорных источниках, служащих прецедентом в общественно-политической жизни, Л. Мейер пишет: «*Во время бывших народных сеймов первородство алимулинцев строго соблюдалось, их мнения и приговоры были обязательны для байулинцев и семиродцев, но не наоборот, на приговор бия семиродского и байулинского в частном деле можно было апеллировать бию алимулинскому, и он имел право уничтожить приговор*» [5].

Практика регулирования общественно-политических отношений внутри казахской общины имеет давнюю историю, и это в первую очередь связано с административно-территориальной системой Казахского ханства,

которая основывается на родоплеменной структуре и отношениях. Обычно родоплеменные структуры создаются на основе генеалогических схем (*насаб-нама*), кровнородственных (*аталас*), а также фиктивных (*баталас*). Последнее нами рассматривается как результат инкорпорации каких-либо чужеродных групп, отдельных семейств с благословения старейшин.

Казахское шежире указывает, что в истории образования народа сыграл выдающуюся роль «баталасу» в период откочевки узбекских племен в Мавереннахр, в местности Таңбалы жар (*Танбалы шубар, Танбалы нура*), находящейся в низовьях р. Сарысу, недалеко от озера Теликуль. Здесь, как свидетельствуют легенды, в конце 20-х годов XV века состоялся сейм степных племен, в котором, во-первых, проводилась церемония прощания с узбекскими племенами, а во-вторых, в этом сейме объявили об образовании Казахского ханства и для закрепления клятвы на скале высекли свои тамги: *«Бетпақ далада «Таңбалы шұбар» деген жер бар. Сонда тасқа басылған таңбалар бар. Қазақтың таңбалары талас болса сол тастан барып қарасады. Алаша ханның тұсында басылған таңба деседі. Мұнан бұрын сағымнан пайда болған Шыңғыс хан да тоқсан екі баулы Қыпшаққа таңба үлестіріп, ұран қойып берген екен деседі»* [6].

В своей известной статье «Доисторические памятники в Джезказганском районе» академик К.И. Сатпаев также ссылается на народные предания: *«В Джезказганском районе, в низовьях р. Сарысу, в 20 км от нее на восток, у ключа Тасбулак урочища Тангбалынура, имеется утес, на камне которого высечены родовые знаки (тамга, таңба. — Ж.А.) почти всех родов и племен, входящих в состав казахского народа. Народное предание гласит, что именно здесь, у ключа Тасбулак, происходил первый совет родов об организации новой народности «казах», решение которого будто бы зафиксировано на утесе родовыми знаками всех племен, участвовавших в совете»* [7].

А.Х. Маргулан, высоко оценивая материалы экспедиции А.И. Шренка (1842–1843 гг.), Л. Кузнецова и Х. Бекхожина (1895 г.) по родовым тамгам казахов, пишет, что Тамгалы жар, безусловно, свидетельствует о грандиозном событии, об образовании государства: *«В надписи сообщается об историческом событии, о важном синклите, о провозглашении на нем особого народа под древним именем казак (XV в.). Это историческое место прославлено в преданиях и в поэзии, и оно называется «қазақтың ұран шақырып, қазақ болған жері» – место провозглашения этнонима «казах»* [8].

Этот судьбоносный сейм, на котором было объявлено о новом государстве, состоялся в самом начале XV века, на наш взгляд, в 1429 году. Вероятно, это было связано с поминками Барак хана, внука Урус (Урмамбет) хана. Образование Казахского ханства и формирование триединой структуры закреплялось благословением – Баталасу.

Жақып Ақбаев (Якупов), один из лучших казахских юристов начала XX века, следующим образом описывает баталасу: *«...На этом съезде санкционировано образование единого народа под названием «Казак» и триединого политического союза «Дети от Трех Сотен» (Уш-Жуз или Дуз). В честь образования триединого казакского народа и триединого политического союза — Уш Жуз, торжественный обет «Бату» с приподнятыми вперед руками, ладонями вверх, совершил делегат от жалаирского рода, как старший по возрасту это всех трехсот депутатов первой группы (Моголстанской); делегат от второй Узбекстанской группы, тарактинец, держал на поводу уздечки (из шерсти и конского волоса) «нокта» - серого коня с лунообразной лысиной на лбу («кок каска ат»), а делегат от третьей Ногайлинской группы Алимұлы, направив горловую часть шеи опрокинутого серого коня с приподнятой головой к луне, совершал обряд обрезания шеи, собирая кровь в одну посудину — астау. ... по приношении жертвы в виде серого коня с лунообразной лысиной на лбу (Кок-каска) и дачи клятвы этому союзу сотенному на верность и преданность втыканием кончиков больших пальцев в свежую кровь, повторяли: «Бата бузгандар канга боялсын» («Нарушители обета да потонем в крови») [9].*

Следует отметить, что полный контур социальной организации Великого степного пояса может быть понят при внимательном отношении к тем маргинальным

регионам, которые входили в состав или находились под влиянием кочевников Великой степи. В этом плане казахский материал представляет оригинальную возможность для реконструкции наиболее сложных социальных систем кочевников Евразии. В ее структуру фактически постоянно входили южные регионы – Туркестано-Ташкентский и спорадический Мавереннахр, на востоке – Восточный Туркестан, Кашгария и другие города, Поволжье, Северный Кавказ и Южная Сибирь. Большинство этих регионов существовало в качестве постоянных данников, обязанных за защиту и мир расплачиваться материально. В то же время, кочевники и оседлые народы – полноценные составляющие одной социальной организации, игроки, действующие в одном поле.

Роль Баталасу в церемониальной культуре казахов

В казахской церемониальной культуре Бата-Благословление занимает важное место и практически сопровождает казаха от рождения до кончины. Ребенок получает бата, когда рождается, когда ему выбирают имя, когда начинает ходить, когда впервые сажают в седло т.д. Молодые получают бата во время церемонии *қудалық* (сватовство), невестка во время *беташар* – церемония открывания лица невесты и т.д. Дают бата перед едой, при отправлении в дальний путь, в обязательном порядке – перед началом большого дела, когда поднимают новый шанырак или молодая семья отделяется от родительского дома. Благословение звучит и в процессе выражения соболезнований членам семьи и другим родственникам покойного, благих пожеланий самому покойному, а также его потомкам. Кроме того, бата предостерегает людей от некрасивых поступков, призывает молодежь к благим делам и милосердию. Ханы, султаны и полководцы перед сражением с врагами идут к старцам с просьбой дать им бата. И, наконец, самое важное в контексте нашей темы - бата скрепляет узы генеалогического родства, санкционируя вхождение в состав тех или иных родов, представителей из других родов, а иногда и иноэтнических элементов. Подобные акты инкорпорации совершаются во время проведения грандиозных поминок (ас беру), когда уважаемые старейшины при большом стечении народа произносят слова благословения, наилучшие пожелания и добрые напутствия.

Вера казахов в силу благословения огромна, вероятно, также оттого, что сам народ образовался благодаря верности казахов Бата. Она сохраняет свое значение и в наши дни, о чем свидетельствует такая популярная пословица:

Жаңбырменен жер көгерер,

Батаменен ел көгерер,

что можно перевести на русский примерно так:

Благодаря дождю земля возрождается,

Благодаря благословию страна процветает.

Бата-благословение обычно дается в определенных рифмах, а иногда в стихах. Благословение дают, как правило, умудренные жизненным опытом, пожилые, красноречивые аксакалы или уважаемые гости. Главное при выборе дающего бата (*батагөй*) его честность, трезвость в жизненных вопросах, высокий статус – безоговорочное признание народом того, что его пожелания сбудутся.

Бата выражают (*бата береді, бата оқиды*), раскрыв обе ладони по направлению к лицу, на уровне сердца. Человек, дающий благословение, поэтическим языком желает всем успехов и просит у Всевышнего Творца добра. Все вокруг, стар и млад, тоже подобным образом держат руки. После того как заканчивается благословение, все проводят ладонями по лицу со словом «*Әумин*». Для закрепления бата-благословения обычно производят обряд курбан шалу (*құрмалдық беру*), для чего режут барана (*қошқар сояды*), быка (*өгіз сояды*) или жеребца (*айғыр сояды*) и коллектив людей, участвовавших в Бата, вместе съедают эту ритуальную еду. Ритуальное животное должно быть светлой масти с белой отметиной на лбу (*ақ қасқа, көк қасқа*). В таких случаях Бата принимает форму узаконения.

В этнографическом прошлом казахи иногда благословляли врагов и недоброжелателей, но это называется «*теріс бата*», то есть – бата проклятие. Обычно в

таком случае вытягивают руки вперед ладонями вниз и произносят слова проклятия, оно также произносится в речитативе.

Примеры Баталасу

Примеры из устной традиции свидетельствуют о постоянном процессе инкорпорации в базовый состав казахов людей, общин и родов со стороны, то есть мы можем говорить о фактах перманентной самоконструкции казахского этноса. Например, в этнографических записях Г.Н. Потанина из восточных районов степи есть следующий отрывок рассказа об инкорпорации семи родов в состав казахов: «...в то время, когда люди трех сотен, уш-юз, образовали из себя три отдельные племена, был некто по имени Асан-кайгы из потомков Хасен-хана. Этот Асан-кайгы, желая переселиться в край, где не бывает зимы, разведывал о землях и, перебравшись в Джийдели-Байсын, местность за Бухарой, остался там и послал семь человек к народу трех сотен (уш-юз) пригласить их (прикочевать); но три эля не имели возможности переселиться к Асан-кайгы на Джийдели-Байсын по причине бывшей у них тогда войны с неприятелями. Вследствие этого они этих семь человек оставили у себя, распределив их следующим образом: Канлы и Чаншклы взял Уйсун, Керей и Уак взял Орта-юз, Табына и Телеу взял Кши-юз, а седьмой человек Тама остался никем не взятым. Тогда сделали такое условие: пустить бегунцов ото всех трех юзей и чей бегунец прибежит вперед – тому взять спорного Тама. Первым прибежал бегунец савралысой масти, принадлежавший к Младшей Орде (Кши-юз), и Кши-юз взял Тама» [10].

Выше мы уже писали о выдающейся роли Бата в образовании казахского народа и формировании его структуры. В качестве примера можно взять некоторые обстоятельства формирования Младшего жуза. По родословной казахов у младшего сына родоначальника казахов было якобы три сына: Алим, Кадыр-кожа, Карт-казах. У Алима, которого считали старшим, было шесть сыновей, у Кадыр-кожи было 12 сыновей, этот многочисленный союз называли Байулы. В устной традиции казахов поколение Жетыру составили сыновья Карт-казаха. Хотя они в генеалогической иерархии не занимают почетное место, но Рамадан, Жагалбайлы, Тама, Табын, Телеу встречаются как в Среднем жузе, так и в Старшем жузе, в Кураме и в соседних тюрко-монгольских странах. Одним словом, все эти союзы представляют собой конгломераты родов различного происхождения, что особо заметно в преданиях о происхождении Адай, входящего в Байулы. В казахском социуме каждый род не просто является сегментом этнического состава, но и самоуправляемой общиной. При политических и социальных осложнениях он может перейти в состав других родов и даже этносов. Как бы то ни было, процесс образования казахского этноса, объясняется формированием генеалогического родства. Порядок вхождения родов в этническое объединение определяет их место в иерархической системе.

В устной традиции казахов есть один эпизод, касающийся внутренних отношений в Младшем жузе. Говорят, что во времена Есет-батыра из-за вдовы (жесір дауы) между Алшынскими поколениями и Тама из Жетыру возник конфликт. Для решения этого спора пригласили старшего бия Средней Орды – Каздаусты Казыбек би. Из слов Казыбека хорошо видны некоторые статусные отличия родов, входящих в Младший жуз:

*Рамадан и Телеу – старшие в Младшем жузе,
Происходят они от известного Аргымака.
Младший жуз всегда защищал Кердеры, Табын, Таминцев,
Хотя злые языки говорят о них что чужие для Алшын.
От Кудуара разветвились потомки двух ходжей,
К ним присоединились Байсары и дети Адая.
Так вот, Жетыру разве малочисленнее других?!
Предки их в родстве – пусть держатся вместе,
Все они близки, не потомки каких-то перебежчиков,
Все рода Младшего жуза войны под знаменем Алшын,*

Не рабы из кызылбасов, доставленных сюда на гриве коня...

«Обидчики выдали племени Тама девушку вместо вдовы и заплатили айып (штраф) в сорок лошадей. Совет биев выбрал Есета главой племени Жетыру», – завершается рассказ об этом конфликте в Младшем жузе. При анализе и сравнении с историческими письменными источниками нам кажется, что это событие произошло в 1742 году, когда главный предводитель союза Жетыру Бокенбай из рода Табын погиб во время похода против туркмен. После смерти Бокенбая руководство перешло к Есет-батыру. Именно он в 1743 году, получил из рук Оренбургского губернатора И. Неплюева звание тархана.

В ясачных переписях 30-х годов XIX века в составе различных волостей, составленных на основе определенных родовых единиц и носящих ее название, мы часто сталкиваемся с эпонимами других родов. Среди айдабульского рода из союза Суюндик-Аргын встречаются Тама, Рамадан, Жагабайлы Младшего жуза, род Жалайыр Старшего жуза, Керей, Найманы, Баганалы, Бура, Кыпшаки, Уаки, Таракты Среднего жуза, Тиналы, Бори, Алтай-Карпик, Канжыгалы, Шакшак, Каксал, Козган, Токтаул и т.д. – из конфедерации Аргын. Среди шаншарцев рода Каракесек-Аргын встречаются Тама, Рамадан – Младшего жуза, Уйсун (Жалайыр) – Старшего жуза, Канжыгалы, Караул, Басентиин, Камбар – из Аргынов. Таким образом, в названных аулах Айдабол и Шаншар проживали 15–20% инкорпорированных представителей иных родов, не считая торе, толенгутов и ходжей [11].

Различные примеры баталас можно увидеть в межэтнических отношениях. Например, в казахском социуме имеется несколько групп кыргызов, которые вошли в этнический состав казахского общества в разные времена. Судя по историческим преданиям, в изначальном этническом составе казахов были – «ескі кыргыз», восходящие к Енисейско-Алтайскому периоду истории тюрков, затем – «жана кыргыз» или «бай кыргыз», то есть Алатауские (XVIII в.), в составе караул – атыгай и других родов Среднего жуза, и третью группу кыргызов составляют сторонники Кенесары хана, ушедшие вместе с отступившими казахскими аулами. В этническом составе казахов кроме кыргызов есть немало калмыков, башкир, туркмен, ногайцев, телеутов и др. Эти группы входят в общую родословную с этническими именами, но бывают исключения. Например, татары в традиционной казахской среде известны под названием- *ноғай*, башкиры как *естек* и т.д.. Среди казахских естеков есть одна универсальная легенда, о прибытии в казахскую степь двух молодых ребят из Башкирии. Как говорит легенда, они попали в грандиозную тризну –ас, и поскольку вся коновязь была уже занята лошадьми, они привязали своих коней за шею других лошадей. Затем они вошли в юрту, где сидели старейшины, и представились участникам тризны, рассказали о себе. Старейшины решили их усыновить, включить в состав своих родственников, но возник спор. Тогда мудрейший из аксакалов посоветовал посмотреть, к чьим лошадям привязали своих лошадей эти ребята. В общем, это стало главным аргументом в споре.

Иноэтнические вкрапления есть в составе большинства казахских родовых групп. У некоторых, например, у Шакшак, входящего в арғынскую конфедерацию их целый букет. Это связано, безусловно, с выдающейся деятельностью тархана Джанибека, батыра Умбетей и других. Например, вхождение башкир-естеков связано с активным участием рода Шакшак в северных пограничных делах. Знатоки устной традиции говорят, что шакшаковцы неоднократно поддерживали восстания башкир, и что во время столкновения с русскими войсками в районе Звериноголовск, Озерный, Пресногорьков, Троицк были убиты сыновья Шакшак Умбетей батыра – Жиенбай и Аралбай.

Башкиры вошли в состав Шакшак как потомки одного из сыновей Умбетей батыра путем Баталасу. В наше время они составляют одно из ответвлений рода Умбетей и называются Естек. Всего у батыра было 26 сыновей от шести жен. Другая иноэтническая группа в составе Шакшак известна под эпонимом Каракалпак. Говорят, что Умбетей батыр перед смертью завещал своим сыновьям признать

каракалпаков родными и не вступать в брачные отношения: «*Бұларды бөтенсіп, қыз алысып, қыз берісетін болсаңдар, көрде тыныш жатпаймын*». Как известно, среди казахов господствует запрет на брак по седьмое колено, следовательно каракалпаки воспринимаются среди потомков Умбетейя как единокровные родственники.

В традиционном обществе казахов деятели уровня Умбетей батыра, пользовались большим авторитетом, под их крыло стягивались слабые и беззащитные люди и общины: «*Нашарды сырт дұшпаннан арашалап, Қам ойлап, қарашаға болысқаным! Үлгімен әр орнында тұра берген, Ақылға Аплотондай данышпаным!*» [12].

Заключение

Традиция баталасу с самого начала образования Казахского ханства служила основным механизмом формирования казахского социума. Сама история казахской *nation-state* начинается с грандиозного сейма в местности Таңбалы жар в Бетпак-дала, завершившегося ритуалом баталасу – благословения всех участников. Баталасу как мощнейший механизм инкорпорации, несмотря на все кардинальные изменения, произошедшие в этнополитической системе казахов, отчасти продолжает работать и сейчас, чему могут служить примером инкорпорации небольших этнических групп в состав казахов.

Принцип родства, как можно судить из научного анализа шежиры, мог базироваться как на действительных (кровнородственных), так и на генеалогических материалах. Последнее явление мы в нашей публикации обозначили как *Баталасу*, и привели достаточное количество фактов. В процессе формирования Казахского государства все существующие древние генеалогические таблицы были пересмотрены. Распад Золотой Орды, а затем «эпоха брожения» в Великой степи привели к тому, что многие традиционные генеалогические образования распались. В результате те лидеры, которые вели свои родовые группы в это смутное время и участвовали в образовании нового государства, как, например Наганай бек, стали основоположниками новых династий, заняли промежуточное звено между легендарными родоначальниками и реальными коленами родства.

По своему социальному содержанию казахское общество было далеко не однородным. Как ни парадоксально, ограничения и соподчиненность в казахском обществе вытекали не из отношения собственности, а из отношения родства. Однако суть родоплеменной организации казахов не имеет ничего общего с родовыми устоями первобытных кровнородственных союзов. Влиятельные баи имели большое количество скота и движимого имущества. Богатство способствовало повышению социального статуса людей, им открывалось широкое поле общественной деятельности. Богатые казахи имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, по десятку тысяч овец и лошадей.

Триальная структура казахов является своеобразным административно-территориальным делением, просто эти жузы (*район, область, край*) скрепляются системой родства, поскольку родство является цементирующим элементом. Эта элементарная истина была давно выявлена М. Шокай в его статье «Қазақ рулары хақында», где он сравнивает казахов и турков: «*егер біздің Жанай арысына жататын бір кісі Оралға келсе «қай рудансың» деген сұрауға «Орта жүзбін» дейді, өйткені Оралда Орта жүзге жататын қазақтар тұрмайды. Енді осы Жанай қоңыраттар тұратын Жаңақорғанға барғанда «Қыпшақпын», Торғайға келсе «Торы», Шиелі мен Жөлекке келсе «Шашты», Тартоғайда «Бошаймын» дейді. «Жанай» деп тек Сарышығанақта пішен мен егін алқабын белгілейтін кезде ғана айтады... Ыстамбұлда Қасым патшада, Дайрабек көшесінде бірнеше түрікті тоқтатып жөн сұраңыз. Айталық бірі өзі тұрған көшеден болсын, екіншісі Баязит махалласынан, үшіншісі Көне қаладан, төртіншісі Разграз қаласынан болсын делік. Олар өз тұрып жатқан жерін айтсын. Бұған қарап Түркияда «Дайрабек», «Баязит», «Көне қала», «Разграз» деген қалалалар бар деп анықтама жасауға болар ма еді?» [13]. Непонимание того, что такие ключевые понятия, как *ру, арыс, ұлыс*, являются единицами административно-территориальной структуры, М. Шокай назвал «*орыс этнографтарының кісі күлерлік қателіктері*».*

К сожалению, наши исследователи не видят разницы между первобытными родами, действующими на основе биологических законов жизни, на основе кровного родства, и кочевым ру, являющимся основным стержнем социальной организации основной массы евразийских государств древности и средневековья. Уместно обратиться в этой связи к мнению К. Леви-Стросса о социальном характере системы родства: «*Of course, the biological family is ubiquitous in human society. But what confers upon kinship its socio-cultural character is not what it retains from nature, but, rather, the essential way in which it diverges from nature. A kinship system does not consist in the objective ties of descent or consanguinity between individuals. It exists only in human consciousness; it is an arbitrary system of representations, not the spontaneous development of a real situation*» [14].

Социальная организация казахского общества является не только своеобразной, но и сложной. Если своеобразие ее заключается в специфических формах функционирования общества через систему родства, то сложность заключается в том, что она обогащена значительной группой социальных страт, не имеющих непосредственного отношения к принципу родства. Речь идет о тех социальных группах или же о сословиях, которые включены в социальный организм как необходимые элементы общественной системы. В то же время общественная система, гражданское сообщество проявляется в разрезе этносоциальной организации и государства. В социальном плане *nation-state* казахов представляет систему, объединяющую и регулирующую взаимоотношения как внутри конгломерата родов (ру), так и между социальными стратами. Оно обеспечивает не только консенсус между вышеуказанными компонентами общества, но также создает условия для организации и сохранения его.

Казахское государство — это продукт сознательной воли представителей различных социальных групп, согласившихся объединиться ради лучшего обеспечения порядка и свободы. .

Список источников и литературы

1. Радлов В.В. Тюркские степные кочевники (Из Сибири: страницы дневника, К вопросу об уйгурах). Т.3. Библиотека казахской этнографии. Астана, 2007.
2. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб. - 1910.
3. Жданко Т.А. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России. Современные этнические процессы в СССР. - М.: Наука, 1975.
4. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов - основы жизнедеятельности номадного общества. – Алматы - М., 1995.
5. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865
6. Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. Т. 1–20. Павлодар, 2013. 8 т., с. 131-155.
7. Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джекказганском районе. Избранные труды. Т. 5. Алма-Ата, 1970. с. 43-49.
8. Маргулан А.Х. О значении эпиграфических памятников Казахстана. Мир казаха. Алматы, 1997, с.30-43.
9. Акпаев Якуб-мурза. Доклад на тему о происхождении казахского народа. Библиотека казахской этнографии. Т.35, Астана: Алтын кітап, 2007, с.178-188
10. Потанин Г.Н. Избранные сочинения в 3 томах. Павлодар, 2005, с.60-61.
11. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Казахское общество: истоки и история. Т. 4. Астана; М.: Центрально-Азиатское книжное издательство, 2019. с.72-73.
12. Әбсадық А. Үмбетей бейіті. Қазақ даласының картасы... [эл.ресурc] – URL: <https://abai.kz/post/178519>
13. Шоқай М. Таңдамалы. т.1. Алматы, 1998, с. 305.
14. Lévi-Strauss, C. (1963). Structural Anthropology. Basic Books, с.50.